

О сущности добра

Рецензия на книгу: Эткинд А. Природа зла. Сырьё и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 504 с. ISBN 978-5-4448-1155-9

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-237-245

Британский и американский профессор Александр Маркович Эткинд самым названием своей книги о роли сырья в становлении и функционировании государственности в истории разных стран уже озадачивает: «Природа зла» — это о злобном нраве матушки-природы или о философском смысле понятия «зло»? На страницах книги обе эти ипостаси заглавного словосочетания идут рука об руку, особо друг другу не противоречат: вы наносите природе ущерб, причиняете явное и очевидное зло — будьте готовы зло же и получить в ответ. Да еще какое — если, конечно, вовремя не одумаетесь. Очень хорошо основную суть этого произведения раскрывают слова философа Г. Б. Юдина, вынесенные на обложку издания: «Героиня этой книги — природа. Но это вовсе не добрая и заботливая мать-природа, которую мы призываем защищать и охранять от себя самих. Сквозь историческое повествование Эткинда проступает образ природы, бесстрашно создающей одну за другой жестокие политико-экономические структуры, перемалывающие человека. Человека, который наивно верит в свою свободу, власть и превосходство над тем, чего он не в силах понять».

Сам автор так объясняет, ради чего задуман и создан этот мощный обобщающий текст, сплетающий воедино разные области гуманитарного знания: «Смысл моей книги не в том, чтобы дать редуцирующее объяснение человеческому опыту; наоборот, он в том, чтобы научиться различать партнеров в пшеничном зерне, конопляном волокне или куске угля. Эти частицы освоенной природы сложнее и разнообразнее, чем своенравие замечательных людей или унылая предсказуемость власти. Мир — это уникальное

единство человека и природы; и раз уж изменить его не удалось, надо понять, как он устроен. В нашу мрачную эпоху это и есть задача Нового Просвещения» (с. 13). Уже на основании этой небольшой цитаты из рецензируемого текста можно предположить, что «Природа зла» отличным языком излагает весьма актуальные проблемы и, следовательно, может быть прочитана, что называется, «без унынья и лени». Хотя сразу возникает вопрос, на какую нишу в сложившейся системе гуманитарного знания она претендует. Как видим, философ назвал это «историческим повествованием». Я бы как историк скорее увидел здесь философствование — часто в виде априорных умозаключений — по поводу тех или иных более или менее известных и доказанных исторических событий. И право судить о том, что есть добро и что есть зло, автор во всех очень разнообразных и разноплановых ситуациях оставляет за собой.

В подтверждение приведу несколько более обширную выдержку из того же предисловия. «Нечеловеческие факторы истории, — пишет Эткинд, — взаимодействуют со страждущими, надеющимися или, наоборот, разочарованными людьми. Хорошая история всегда переплетает разных людей, страны и дисциплины; самый глубокий уровень такого переплетения — связь между ресурсами и институтами, между сырьём и трудом и, наконец, между природой и моралью. Так материальная история соединяется с интеллектуальной: людей не понять без того, что они сами так хорошо знали в своём мире, — без шёлка и зерна, золота и угля. И обе — история материалов и история идей — переплетаются с историей нравов. Если в междисциплинарной истории есть своя царица наук, то это моральная история. Ни происхождение государства, ни империи и революции, ни глобальное потепление не понять, игнорируя политическое зло — его разновидности, изменения и источники» (с. 11-12).

И опять, как видим, язык изложения действительно хорош. Все три части книги с их многочисленными главами и параграфами написаны в этом стиле и в общем-то читаются с интересом. Но нельзя не заметить, что тон несколько менторский, что ли. Я, мол, знаю природу зла, и не извольте сомневаться: сказал «зло», значит — зло. Просто далее идёт весьма категорическое утверждение, что это самое «политическое зло» есть внутреннее и международное насилие, публичная несвобода и экономическое неравенство. И это якобы «давно известно». Надо полагать, возражения не принимаются. А возражение-то на поверхности: всё перечисленное есть не что иное, как естественное состояние человечества — на уровне семьи, сельской общины, страны, международного сообщества. И это тоже давно известно. А уж добро это или зло, от человека зависит, от того самого «страждущего, надеющегося и разочарованного», от конкретной ситуации. «А судьи кто?» — сказал бы поэт. Чтобы закончить здесь с языком,

которым написан рецензируемый текст, обращаюсь к утверждению М. А. Кронгауза. В своей знаменитой книге «Русский язык на грани нервного срыва» он обозначил советскую лингвистику 1960-х годов как «самую точную из гуманитарных наук и самую гуманитарную из точных». Смысл этой фразы, очевидно, в том, что на уровне словоупотребления солгать, сфальшивить невозможно. А в области словоупотребления Эткинд — настоящий профессионал.

Первая из трёх частей, составивших его труд по «моральной истории» экологии, называется «Материальная история». По объёму она больше второй и третьей частей — даже вместе взятых, которые озаглавлены соответственно «Интеллектуальная история» и «Энергетическая история». В её шести главах излагаются те революционные последствия, которые имели для наших давних предков овладение огнём, навыками выращивания зерновых культур, употребление в пищу мяса и рыбы, добыча соли и производство сахара, изготовление тканей из волокон льна и конопли, знакомство с удивительными свойствами различных металлов. Хронологию развития человечества по пути материализма автор даёт весьма вольно: «Только на поздних стадиях истории человеческие хозяйства стали достаточно продуктивными для того, чтобы одни могли создавать излишки, а другие забирать их. Создание первых аграрных государств Месопотамии произошло за последние пять процентов истории человеческого вида. В самом конце её началась эра ископаемого топлива. По длительности она составляет всего четверть процента человеческой истории» (с. 36). Вот и считай, сколько нам, людям, лет и когда у нас началась эра ископаемого топлива.

Четыре главы второй части книги повествуют о том, как социально-философская мысль Запада и России (в качестве интегрированной части Запада) металась в поисках теоретических основ эволюции человечества в эпоху *антропоцена* и попытках углядеть логику дальнейшей глобальной социальной эволюции, её ближайшие перспективы. Слово, которым обозначена наиболее интересная для автора эпоха в истории человечества, он комментирует так: «В отличие от историков, которые думают десятилетиями, геологи считают миллионами лет. В недавних дебатах геологи согласились назвать нынешнюю эпоху антропоценом: человек изменил природу так, что её нельзя исследовать вне этого влияния» (с. 459).

В своих размышлениях о том, куда же движется наша эпоха, Эткинд опирается на наследие западноевропейских интеллектуалов, иногда воздавая должное и нашим соотечественникам, например, А. В. Чапанову. «Эта книга евроцентрична, — пишет он, — и, более того, сосредоточена на историческом опыте Северной Евразии, от Англии и Голландии до России. Опыт Глобального Юга приобрел доминирующее значение в нашу постмодернистскую,

постколониальную и постсоциалистическую эпоху» (с. 12). Последнее, должно быть, надо понимать так, что приходит пора повнимательнее посмотреть, что обо всём этом пишут в странах Глобального Юга. Себе же в этом глобальном мозговом штурме он отводит скромное, но достойное место: «Полезно здесь и понимание ранних эпох европейской истории, в которых Маркс видел первоначальное накопление, Поланьи — великую трансформацию, а я вижу в них действие меркантильного насоса (см. главу 9, центральную в этой книге)» (с. 13).

Давайте посмотрим, что учёный подразумевает под «меркантильным насосом», какую реальность или закономерность глобального исторического развития фиксирует он, вводя этот термин. А заодно лишний раз зададимся вопросом о том, можно ли говорить о каких-то больших исторических закономерностях, которые работали бы в Англии и Голландии так же, как в России. Не хватит ли с нас пресловутого марксизма-ленинизма, который при ближайшем рассмотрении и к Марксу, и к Ленину имеет весьма и весьма опосредованное отношение? Следует признать, что не только в девятой, но и в предшествующих главах книги много места отдано теории и практике меркантилизма в истории западноевропейских стран, прежде всего Англии. Приводится много фактов в подтверждение той мысли, что меркантилизм во времена, последовавшие за приобретением ведущими европейскими государствами заморских и заокеанских колоний, составлял достойную конкуренцию теории и политике фритредерства, свободного рынка и конкурентной торговли. Интересно, что времена эти благополучно продолжаются и по сей день в том смысле, что на мировой политической карте всё ещё есть страны и государства, стремящиеся максимально использовать ресурсы других регионов мира неоколониальными методами.

Особое внимание автор уделяет развитию колониальной торговли и тому, как это воздействует не просто на внутренний рынок метрополии, но на сам образ жизни в её сельской местности. «Превращение метрополии в огромную фабрику, перерабатывающую привозное и местное сырьё, — пишет он, — было самой сутью меркантилизма. Без этого Британская империя не имела бы экономического смысла, не случилось бы и Промышленной революции. Центральным звеном этой новой системы была динамическая конструкция, которая с разными видами сырья работала по единой схеме; я называю её меркантильным насосом. Он обеспечивал перевод нужд дальней торговли в изменения внутри крестьянских семей. Он перекачивал землю и труд из натуральных хозяйств в производство товаров, готовых к экспорту» (с. 352-353). Всё логично. Меркантилизм как забота государства о нуждах местной промышленности и экспортной торговли подразумевает большие возможности государственной казны для

обеспечения постоянной финансовой поддержки этих направлений социально-экономической политики. И неизменным условием становится расширение возможностей внутреннего потребительского рынка за счёт крестьян, которые на рубеже позднего Средневековья и Нового времени продолжают оставаться большинством населения метрополии — даже в Англии. Крестьяне же, получая широкий доступ к дешёвым продуктам питания, ввозимым из колоний, с одной стороны, обеспечивают государству «призрачные акры» (см.: с. 42, 68), т. е. те бесценные площади пашни, которую они должны были бы обрабатывать, чтобы обеспечивать себя сырыми и скоропортящимися продуктами в натуральном хозяйстве и на внутренних рынках; с другой стороны, оказываются перед необходимостью денежного приработка, который, в частности, вполне достижим переработкой в домашних условиях шерсти тех овец, что щиплют травку на «призрачных акрах».

Но ведь это то, что мы называем раскрестьяниванием. Да, и Эткин с этим вполне согласен: «Интенсификация сельского труда вела к его совмещению с городским трудом и, значит, к разрушению крестьянского образа жизни — его “моральной экономики” вместе с пресловутой “ленью”. Уже в середине XVIII века в Англии не было крестьян, какие были везде в континентальной Европе, то есть людей, полностью специализировавшихся на аграрном труде. Текстильная промышленность Англии, распределённая по деревенским коттедгам, была столь эффективной, что вела к коллапсу более зрелой промышленности итальянских городов — Венеции, Флоренции, Болоньи. Важный вопрос ресурсной истории в том, что именно вывело сельские домохозяйства Англии, а потом и всей Европы из гомеостаза моральной экономики? Что повернуло их на магистральный путь преиндустриального капитализма?» (с. 144). Я вполне согласен с тем, насколько важен этот вопрос. Для методологии крестьяноведения он является одним из центральных и принципиальных. И именно поэтому, полагаю, требуется небольшой комментарий к тому, как он здесь сформулирован.

Словосочетание «гомеостаз моральной экономики» считаю очень удачным, но всегда настаиваю на том, что российское крестьянство из этого «морально-экономического» состояния так и не вышло — ни в XIX веке, ни даже на протяжении значительной части XX века. Не менее удачным представляется мне и сама концепция «меркантильного насоса», и то, как блестяще — и теоретически, и риторически — Эткин обосновывает её эвристический потенциал при осмыслении истории Англии и некоторых других стран Европы. Но не России. Ещё Ленин в «Развитии капитализма в России» в 1899 году делал подобную попытку, однако очень скоро удостоверился, что последующие хитросплетения основных социально-политических событий

в нашей стране происходят как-то иначе¹. А ранее Маркс в своём знаменитом ответе на письмо В. И. Засулич предостерегал молодых русских марксистов от гипертрофии подобия Англии и России². Автор и сам иной раз проговаривается, что «меркантильный насос тут (в российских деревнях. — В. Б.) не работал» (с. 201). Однако задайся его читатель вопросом: почему — и получается, что «Природа зла» вполне окажется инструментом познания.

Я бы — теперь уже как читатель монографии про сырьё и государство — ответил на это «почему» с использованием «гомеостаза моральной экономики». И напрасно Эткинн полагает, что это концепция А. В. Чаянова (с. 52, 200). Чаянов никогда ничего о «моральной экономике» не писал и исследовал в крестьянской экономике нечто совсем иное, чем то, что в современном крестьяноведении принято обозначать термином «моральная экономика»³. Эта теоретическая концепция пришла в русскоязычное пространство аграрно-исторических исследований с подачи выдающегося американского историка-антрополога Дж. Скотта⁴. Использование данной системы координат оказывается очень уместным, когда необходимо акцентировать то непреложное обстоятельство, сколь многое унаследовала российская деревня в своём социально-экономическом и морально-психологическом укладе ещё в конце XIX века и даже на протяжении первой трети века XX от традиционной сельской общины. Под этим углом зрения и знаменитый Марксов «идиотизм деревенской жизни», и пресловутая крестьянская «лень» выглядят существенно иначе, нежели в рамках любой из вариаций на темы общественно-исторического прогресса. Известно, что и В. И. Ленин в своих ранних работах любил щегольнуть этой марксистской фразеологией, пока его личное понимание «моральной истории» России не открыло ему: только на этих «идиотов» и можно положиться в той революции, которой суждено было реализоваться в стране в первые десятилетия XX века.

Между тем Эткинн как о само собою разумеющемся пишет и об «идиотизме» (с. 68, 119), и о крестьянской «лени» (с. 187, 341), хорошим лекарством от которой и выступает его «меркантильный насос». «Отважный генерал и богатый помещик XVIII века, Алек-

1. См. об этом: *Шанин Т.* (1999). Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки.* 1999. М. С. 26-61.

2. *Shanin T.* (Ed.) (1983). *Late Marx and the Russian Road. Marx and the Peripheries of Capitalism.* N. Y. P. 97-126.

3. См.: *Бабашкин В. В., Бужовец О. Г.* (2022). «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марченя как её исследователь // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* № 1 (61). С. 11-28.

4. См.: *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015). М. С. 26-70.

сандр Суворов, — пишет он, в частности, — полагал, что крестьянская лень идёт от изобилия земли и от лёгкого оброка; отсюда следовало, что большая эксплуатация ведёт к большому трудолюбию» (с. 52). А вот с точки зрения современного крестьяноведения «ленивый крестьянин» — буквально оксюморон какой-то⁵. Просто чем больше «отважных помещиков» к рубежу XIX–XX веков отказывалось жить со своими крестьянами по канонам «моральной экономики», тем ближе оказывалась крестьянская революция в России с большевиками во главе (лидер которых интеллектуально уже приходил к своей «четвёртой-с-половиной» аграрной программе).

Должен признать, что концепция «меркантильного насоса» применительно к истории нашей страны отлично срабатывает у автора, когда он при её помощи даёт свой достаточно оригинальный взгляд на вечный спор в историографии о смысле и сути опричнины XVI века. Огромная заинтересованность мореходов-англичан в импорте леса и пеньки из России; не меньшая нужда Ивана Грозного, которому приходилось вести постоянные войны как с внешним врагом, так и с внутренней вольницей, в деньгах и союзниках; удивительные обстоятельства появления в Москве Р. Ченслера, чьё открытие России англичане сравнивали с открытием испанцами Америки. Таковы объективные и субъективные предпосылки удивительного политического кульбита, который предпринял русский царь. Уж не знаю, насколько моральна или аморальна история опричнины, но Эткинд с видимым удовольствием применяет здесь свою методологию, и у него всё сходится. И присоединённые к опричнине земли, расположенные таким образом, чтобы идеально отвечать интересам русско-английских торговых отношений. И крестьянские семейные мануфактуры, которые давали очень высокое качество изделий из пенькового волокна и в то же время были препятствием для распространения крепостного права на сёла и деревни бассейнов Сухоны, Двины, Свири, Онеги, побережья Белого моря.

«Ресурсной основой опричного проекта, — пишет он, — была конопля. Такое понимание, вполне доступное Ивану, так же как и его врагам, придаёт смысл невероятной истории опричнины. То была глубокая реформа московского царства — проект, порождённый отчаянием, корыстью и расчётом. Земля разделялась на два домена с разными политэкономическими режимами — экспортно-ориентированную опричнину, обращённую к Белому морю, и прикрывавшую её с юга земщину, обречённую на натуральное хозяйство. Политически этот проект вызвал сопротивление всех, кого царь лишил выхода в большой мир; экономически он был про-

---

5. Кузнецов И. А. (2020). А. В. Чайнов, чайновский крестьянин и проблемы изучения экономической истории России // Чайновские чтения. Материалы I Международной научно-практической конференции по проблемам развития аграрной экономики. С. 38-42.

думан и выгоден Ивану. Он работал над реформой своего царства одновременно с переговорами о военном и брачном союзе с английской короной. Отгораживая опричнину, он создавал себе сырьевую колонию, внутреннюю Индию, которая бы продавала свои ресурсы Англии, субсидируя царя и опричников. Очаг развития, эта привилегированная зона стала бы примером для страны и мира. И наоборот, зерновая земщина, изолированная от моря и рек, должна была довольствоваться собственным хозяйством, которое всё равно не приносило выгоды короне. Таков был опричный вариант меркантильного насоса» (с. 169-170).

Третья часть книги «Природа зла» носит название «Энергетическая история». Это живой и энергичный рассказ о том, как приблизительно с середины XVII века в некоторых странах Западной Европы в качестве топлива использовались торф и уголь и сколь революционным было вторжение в этот смысловой ряд нефти, с тех пор как в 1859 году заработала первая нефтяная скважина. Экологические аспекты использования соседями по планете разных видов источников энергии, разумеется, оговариваются с особым вниманием. В результате вполне закономерным выглядит и то, как озаглавлено заключение: «Левиафан или Гея», и то, как сформулирован главный вывод автора монографии: «Разобщённость национальных государств затрудняет предотвращение климатической катастрофы. Сохранение климата — общее благо, его ухудшение — общая беда. Только глобальное сообщество может предотвратить катастрофу, и революция снова может быть только мировой. Новый курс Рузвельта действовал в одной отдельно взятой стране, но Зелёный новый курс — лозунг американских демократов 2019 года — сможет действовать только в планетарном масштабе. Масштаб грядущей катастрофы таков, что должен ужаснуть человечество и остановить борьбу всех против всех. Это равносильно установлению глобального суверенитета, появлению мирового правительства — только ужас будет исходить не от Левиафана, а от Геи» (с. 480-481).

Смысл последней фразы становится лучше понятен с учётом отсылки автором своего читателя к философскому наследию таких мыслителей современности, как британец Дж. Лавлок и француз Б. Латур, размышлявших о сущности и перспективах бытия в рамках «гипотезы Геи». Согласно этой гипотезе, Земля сама представляет собою живой организм, и, если человечество как часть этого организма продолжит по экспоненте создавать угрозу самому существованию Геи, может включиться иммунный механизм, и излишне рьяные потребители материальных, в том числе энергетических, ресурсов будут принесены в искупительную жертву (с. 460-461). Иными словами, больше нет необходимости предупреждать о природных и социальных бедствиях с использованием образа ветхозаветного Левиафана, как это было в прошлом, — в настоящем и будущем времени мать-Земля сама разберётся.

On the essence of good

Review of the book: Etkind A. (2020) *The Nature of Evil. Raw Materials and the State*. Moscow: New Literary Review, 504 p. ISBN 978-5-4448-1155-9

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

В. В. Бабашкин

О сущности добра